

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

Э.К. Наберушкина

ГОРОД ДЛЯ ВСЕХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОСТУПНОСТИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ ИНВАЛИДОВ

Статья посвящена новому направлению в изучении доступности социального пространства современного города для людей с ограниченными возможностями. В центре работы — исследование социального исключения по признаку инвалидности, вопросы влияния социального знания на градостроительные практики. Статья содержит обзор парадигм и идеологических установок, определяющих конструирование и маркирование городского пространства. В центре внимания автора следующие вопросы: какие социально-политические и экономические предпосылки влияют на формирование барьеров и практик социального исключения инвалидов из городской повседневности; какие парадигмы восприятия человека определяли образ городов и домов в эпоху советского быта и формировали отношение к праву инвалидов на доступное социальное пространство; каковы барьеры современного города, препятствующие социальным коммуникациям и толерантности.

Ключевые слова: *инвалидность, городское пространство, социальное исключение, доступность, безбарьерная среда.*

Key words: *disability, urban space, social exclusion, accessibility, barrier-free environment.*

Современный город представляет собой мир, организованный в соответствии со сложившимися законами общественного устройства, однако для некоторых категорий граждан города становятся сегодня недоступными. Инвалидность является фактором исключения человека из системы социальных коммуникаций в современном городе. Городское социальное пространство — то место, где четко прослеживается социальное неравенство по признаку инвалидности. Как утверждает М. Ка-

стельс, социальное пространство не есть отражение, фотокопия общества, «оно и есть общество» (Кастельс 2000: 385). Но в обществе произошли серьезные перемены, и эти перемены — в политике, экономике и культуре — изменили как природу самого современного города, так и интеллектуальные инструменты, необходимые для понимания социальных процессов в нем. Однако сегрегация «чужих» в городах осталась прежней, изменились лишь ее способы. Раньше — экономическое и идеологическое давление, приводящее к вытеснению не способных приносить пользу обществу в гетто-интернаты, сейчас — сегрегация по признаку инвалидности, выраженная барьерами городского пространства, отсутствием универсального дизайна объектов инфраструктуры. Организация и устройство инфраструктуры многих городов таково, что порой в буквальном смысле «обездвиживает» человека, не позволяя ему участвовать в повседневной жизни. Город и его архитектура выступают сегодня важнейшим свидетельством скрытой мифологии общества, в которой соединяются современность, прошлое и возможное будущее.

В настоящее время в поле социологии города представлены весьма разнообразные урбанистические исследования, тем не менее, анализ сложившихся, а также возникающих практик социального исключения людей с ограниченными возможностями мобильности из городской повседневности представлен не достаточно. Проблематика социального исключения инвалидов, их сегрегации и дискриминации в отечественной науке скорее встроена в контекст объяснительных моделей теории стигматизации, социальной стратификации, социальной эксклюзии. Рассмотрение проблемы барьеров городского пространства, формирующих и закрепляющих позицию социальной зависимости инвалидов, в мультипарадигмальном поле социологии города, социологии архитектуры и социологии политики позволяет увидеть новую причинно-следственную модель социальной эксклюзии. В этом ключе появляется возможность выстроить ряд проблем, связанных с феноменом города, в частности, применяя модель анализа городских локальных общественных благ, для которых характерна определенная степень делимости и избирательности потребления.

Подходы к обеспечению доступности

Люди с ограниченными возможностями являются социальной группой, исключаемой из сферы потребления локальных общественных благ, представленных инфраструктурой города. В частности, существуют фактические и формально закрепленные способы исключения. Например, городской транспорт и большинство жилых и административных зданий недоступны для инвалидов, испытывающих трудности при

передвижении. Аналогичная ситуация характерна и для муниципального медицинского обслуживания, системы образования и сферы досуга. Расходы каждого города (или региона) обеспечивают нормальное функционирование систем городского обслуживания («инфраструктуры»), однако решение проблем доступности инфраструктуры в российских регионах чаще всего является простым оформлением политики, предложенной федеральной властью, и практически не подкрепляется реальным финансированием и алгоритмом межведомственного взаимодействия.

В задачи целевых программ, направленных на исполнение российского законодательства о социальной защите инвалидов, в частности в Саратовской области, входит предоставление инвалиду возможности выбрать удобную для него форму проживания: в обычных зданиях массовой жилой застройки с использованием специального оборудования или в специализированных комплексах социальной защиты (дом-интернат, пансионат, территориальный центр обслуживания, реабилитационный центр). На практике выбор может осуществляться между интернатом и проживанием в не приспособленной к потребностям инвалида квартире. Отсутствуют сервисы по обустройству жилых помещений эрготерапевтическими устройствами, в сметы новых построек по-прежнему не закладываются расходы на аксессуаров для инвалидов. При постановке вопроса об отсутствии приспособительных устройств для инвалидов чиновники чаще всего ссылаются на нехватку денежных средств. Однако и до начала строительства или реконструкции в смету порой не включаются расходы на установку пандусов, подъемников, специализированных туалетов, что существенно снизило бы затраты на организацию безбарьерной среды.

Идеологической ошибкой многих региональных программ, направленных на обеспечение доступности городской инфраструктуры для инвалидов, является их изначальная установка на обеспечение доступа через сегрегацию и компенсаторные механизмы. К сожалению, в целом акцент некоторых программных документов читается как создание мини-мира для инвалидов. Анализ региональных программных документов Саратовской области позволил выявить изначально некорректно сформулированные задачи по оборудованию, например, специальных мест для читателей-инвалидов в научной библиотеке. Доступность подобных объектов инфраструктуры логичнее обеспечивать за счет универсализации дизайна объекта, а не за счет маркирования специальных мест для инвалидов. Традиционно спортивная и культурная реабилитация инвалидов в региональных программах представлена в духе сегрегации: все запланированные мероприятия — «для инвалидов». Видимо,

это следует из сформированных еще советской идеологией установок чиновников региональных министерств на реабилитацию инвалидов, а не интеграцию людей с ограниченными возможностями в общество. Желательно, чтобы концепция социальной поддержки инвалидов основывалась на инклюзии, вовлечении инвалидов во все сферы социальной жизни. В таком случае и мероприятия следует планировать соответствующие — совместные с участниками без инвалидности, или же планировать участие инвалидов в уже существующих регулярных мероприятиях общего характера. Социологический подход дает новую картину того, что мешает человеку, использующему инвалидное кресло, вести независимый образ жизни в своем городе и в своей квартире. С точки зрения отечественных социологов (В.В. Кутузов, Е.Р. Ярская-Смирнова, Т.И. Черняева, В.Н. Ярская), факторы окружающего пространства детерминируют образ жизни человека и его потребности, а многолетняя практика отечественного планирования реабилитационных мероприятий и «места» для инвалидов доказывает, что в понимании так называемых экспертов — все наоборот, т. е. образ жизни инвалида детерминирует потребности к досугу, жилью, социальному взаимодействию. Во многом из-за этого, а не по причине экономических дефицитов региональных бюджетов города остаются малодоступными и враждебными для инвалидов.

Сила, творящая образ города: социологические парадигмы и конструирование городского пространства

Задача создания городского пространства для людей с разными социально-ролевыми особенностями не является абсолютно новой для нашего общества, однако многое зависит от официальной модели восприятия потребителей общественных благ. В истории отечественного градостроительства отмечены периоды плодотворного сотрудничества социологов и архитекторов (последняя четверть XX в.). Тогда в архитектуру проникал социальный заказ от населения, социальных групп, индивидов. Силами архитекторов при активном участии социологов, психологов, экономистов, демографов было проведено огромное количество исследований жилища, накоплен колоссальный багаж конкретной социологической информации, была создана сеть зональных институтов Госгражданстроя, что внесло существенный вклад в формирование социального знания о жилище, городе, человеческих потребностях в организации быта и образа жизни. В результате мультипарадигмального лобби на мировоззрение градопланировщиков с 1960-х гг. начала меняться доминирующая среди субъектов градостроительства модель человека. От модели «пассивного потребителя» осуществляется

переход к модели «человека-средообразователя». Формирование городской среды и придание ей характеристик безбарьерности, универсальности, либо наоборот свойств, ведущих к сегрегации и социальной изоляции, во многом зависит от того, какова модель восприятия человека, который будет жить в этой среде.

Мировой опыт конструирования городского и жилого пространства свидетельствует о доминировании функционализма во взглядах на человека, его потребности и предпочтения. К. Александер писал о том, что доминирующие системы проектирования и строительства устроены так, что по всем важнейшим для человека вопросам организации жилища решение принимают, как правило, «не те», т. е. специалисты, которые никогда не встречаются с будущими жителями (Alexander 1985: 67). Советская история конструирования жилого пространства содержит множество подтверждающих этот тезис иллюстраций. В рамках функциональной парадигмы жилища, улицы и города строились в соответствии с представлениями экспертов, выкладки которых часто помимо рационального зерна содержали множество схематизмов. В советской истории жилищного строительства было множество устойчивых представлений, объясняемых непонятной логикой: для детей одного пола достаточно одной спальни, а личные жилые комнаты — это, скорее всего, спальни. Площадь и состав «функций» спальни диктовали те же эксперты-гигиенисты, они же рекомендовали принципы объединения для сна разных членов семьи с учетом их пола, возраста и родственных отношений (Гутнов 1984: 38). Непосредственное соседство кухни с туалетом обязано распространенной в середине 1960-х гг. в нашей стране практике производить всевозможные физиологические замеры, заниматься шагометрией, изучать графики движения хозяйки по дому. Было подсчитано (А.П. Калинин, Г.Д. Платонов), что удаление санузла от кухни к спальням вызывает дополнительные передвижения в 690 шагов. Унификация городских застроек без учета экологических и социокультурных особенностей населения вызывала дополнительные парадоксы. Если в одноэтажном народном жилище в Узбекистане температура воздуха в летние дни составляет 27–29 градусов, то в современных многоэтажных городских домах — 33–35 (Губернский, Лицкевич 1991: 54). По данным Т.А. Низамова, в 47 % обследованных им квартир в Средней Азии функции кухни переносятся жителями на балкон (Низамов 1988: 19).

Понимание того, что жилище должно отвечать особенностям образа жизни, приходит в отечественное проектирование среды для человека со значительным отставанием от темпов урбанизации и в основном в сочетании с тематикой этнической культуры. Инвалидность в советской

образной системе была, с одной стороны, метафорой, содержащей смысл ничтожности и страха, с другой, податливым означающим по типу трансформера, пригодным для наглядной модернизации несовершенного тела в соответствии с новыми требованиями индустриального общества и рационального управления (Ярская-Смирнова, Романов 2009: 289–290).

Рассмотрение тем формирования жилья в конце 1970-х гг. включало спектр разнообразных вопросов от влияния урбанизированной жилой среды на условия проживания и здоровье населения крупных городов до критериев теплового и светового комфорта в жилище в зависимости от климатической зоны (исследования Ю.Д. Губернского, В.К. Лицкевича, И.Р. Голубева, К.К. Карташева). Однако трудно найти даже упоминание о необходимости предусматривать требования доступности среды для людей с ограниченными возможностями, хотя общие вопросы взаимообусловленности параметров жилья и состояния здоровья исследовались широко. Более того, и гигиенисты, и архитекторы, а именно эти специалисты влияли на формирование стандартов жилой среды, были согласны с тем, что «качество окружающей среды проявляется опосредованно через состояние здоровья населения и, таким образом, здоровье населения может явиться интегральным показателем качества окружающей среды» (Губернский, Лицкевич 1991: 13). Тщательно просчитывались и обосновывались гигиенические нормативы и параметры жилого пространства, однако, основываясь на том, что антропометрические данные определяют пространственные характеристики и формы предметов, используемых в быту, эксперты эпохи советского проектирования всегда исходили из принципа малой изменчивости биологического типа человека и устойчивости антропометрических и эргономических требований. Такой подход предопределял относительную стабильность параметров каждой функциональной зоны жилой среды, а специалисты были более озабочены возможностями изменения бытового процесса, чем перспективами изменения эргономических требований в силу постарения или ограничения возможностей самообслуживания у людей.

Метод проектирования пространства для человека, безусловно, должен реализовываться на основе серьезных эргономических и гигиенических расчетов с той лишь разницей, что в центре таких моделируемых находится человек с его индивидуальными, порой особыми потребностями, человек в контексте возможных сценариев его развития, где постарение и изменение в связи с этим требований к жилой среде — самый легко прогнозируемый сценарий. Несмотря на огромный вклад в конструирование стандартов жилой среды и фундаментальные

разработки Института общей и коммунальной гигиены им. А.Н. Сысина (ныне НИИ экологии человека и гигиены окружающей среды им. А.Н. Сысина), архитектурно-планировочные и социально-бытовые потребности инвалидов никогда не оказывались в центре внимания исследователей. Существует немало работ периода 1960-х гг., сохранивших свою актуальность, в которых развивалась идея дифференциации антропометрических, перцептивных и других возможностей людей разного пола, возраста, этноса, но практически нет социологических работ, где определялись бы потребности к жизненному пространству инвалидов.

Господство функциональной парадигмы на макроуровне расселения граждан с особенностями развития выражалось в возведении специализированных домов-интернатов для людей со сходными медико-социальными характеристиками. Тема жилья для инвалидов или престарелых в основном затрагивается только при обращении к планировочным особенностям домов интернатного типа, жилья для больных. Интернатное жилье при этом проектировалось исходя из совершенно иных экспертно-гигиенических представлений о потребностях и образе жизни людей, которые там будут находиться. Так, если на однополых детей полагалась хотя бы одна, но все же отдельная от родительской комната, то для проживающих в интернате проектировались комнаты на 6–8 койных мест. Массовое несовпадение реальной повседневности и предусматриваемой при создании жилища функциональной программы стало свидетельством неадекватности функционального подхода к конструированию жилья для человека с его потребностями. Именно в рамках функциональной парадигмы наиболее остро стоит вопрос о жилищной сегрегации или интеграции инвалидов, поскольку при таком подходе, где, с кем и как будет жить человек, решают эксперты, выполняющие социально-экономический и политический заказ государства. Функционалистская парадигма не предусматривает учета мнений и предпочтений человека, для которого собственно возводится дом и создается жилая среда. Функционализм предлагает по большому счету две логики: 1) расчеты специалистов (основанные на изучении эргономики человека и подчиненные задачам экономии ресурсов, пространства, времени, сил) и 2) ориентиры господствующей идеологии, государственной политики, экономических возможностей и государственных потребностей.

В истории отечественного градостроительства ориентиры государственного социального заказа доминировали на протяжении всей эпохи социалистического строительства. Например, модель МЖК (молодежных жилищных комплексов) была направлена на достижение опреде-

ленных социальных эффектов — развитие инициативы, самоуправления, снижение «текучести» кадров, укрепление семьи, улучшение правопорядка. Однако позитивные цели и благие намерения государства зачастую не были столь гуманистическими, как могло показаться, но почти всегда были подчинены производственным задачам. Забота о здоровье советских граждан актуальна потому, что приводит к повышению производительности труда, экономии затрат на медицину и социальное содержание. Такую логику можно поддержать, если бы не ее обратная сторона, касающаяся тех граждан, чье здоровье нельзя поправить. Функциональный подход государства в данном случае предлагает только один путь — использование остаточных способностей к труду, если же и это не возможно, то люди в лучшем случае выпадают из поля внимания и особой заботы государства, «складируются» в специальные интернаты.

Полное подчинение развития жилища и городского пространства функциональным критериям приводит к массовому типовому проектированию, а порой и к нелепым перекосам и скудости окружающего пространства. Советские архитекторы, превозносящие идею экономии во всем и борьбы с излишествами (например, Н.А. Ладовский), призывали также к сбережению зрительного восприятия, что на практике требовало устранения декора в архитектуре и максимального упрощения визуального облика городов и домов. Современное научное течение — видеоэкология (Филин 2006) доказывает пагубность влияния гомогенных и агрессивных полей, присущих современной архитектуре, на психическое, эмоциональное состояние человека и его социальные коммуникации. Многие парадоксы современных типовых застроек коренятся в философии функционального подхода. По сей день рациональная функционально правильная организация жилой среды расценивается как наиболее важная задача проектирования жилища, но по-прежнему в расчеты не закладывается возможная вариация образа жизни в связи с национальными, культурными, возрастными или другими социально-антропологическими особенностями человека. Американское архитектурное сообщество уже в 1974 г. приписывало доминированию функционализма — антигуманную окружающую среду и стереотипное проектирование. Отечественные исследователи урбанизации, в частности, А.Э. Гутнов, отмечали, что «в условиях социализма, где градостроительство поставлено на службу обществу, принципы ортодоксального функционализма на определенном этапе сыграли свою позитивную роль в решении важных социальных задач. Однако далее их неполноценность, неадекватность реальной сложности процессов городского развития становится все более очевидной» (Гутнов 1984: 38). Некритич-

ное следование логике функционального подхода к формированию жилого пространства, где человек, которому предстоит жить в этой среде, не является соучастником ее создания, приводит, в конечном счете, к отчуждению обитателя от среды, к деградации и жилища и обитателя.

Господство жесткого функционализма, которое нивелировало живого человека, неизбежно породило критику и новый взгляд на социальное пространство города и жилища. В 1970-е гг. возникает средовой подход, где в противовес функциональному видению выдвигается социально-экологическое, а человек соответственно рассматривается не как набор выполняемых им функций, а как биосоциальное существо, обитающее в определенной среде. Несмотря на заметный крен в сторону биологии на первом этапе своего распространения, средовой подход в дальнейшем выводит экспертов и планировщиков города на обсуждение вопросов о том, насколько городская среда и условия жизни в предлагаемом жилище обеспечивают благоприятные условия человеческого существования. Средовой подход нашел как сторонников, так и противников от практиков архитектуры и проектировщиков. В любом случае безусловной победой этого направления можно считать легитимацию принципа соучастия потребителей в конструировании городского пространства. Доктор архитектуры К.В. Кияненко отмечает: «Средовой подход внес существенный вклад в процесс деколонизации архитектуры от власти ортодоксального функционализма, вовлечения в орбиту профессиональных интересов концепции “поведения”, в осмысление форм “средового поведения”, свойств и качеств городской среды. “Средовое сознание” подталкивает к пересмотру традиционного проектного подхода как разработки окончательной модели объекта с позиции “извне” в пользу “включенного проектирования” и “проектной сценографии”, апеллирует к развитию рефлексии, то есть к осмыслению архитектором оснований собственной проектной деятельности» (Кияненко 2009). Несмотря на авторитет средового подхода, сегодня в профессиональных практиках конструирования городского пространства продолжается игнорирование принципов универсального дизайна в строительстве, люди с ограниченными возможностями мобильности не имеют инструментов соучастия в создании безбарьерной, доступной для них среды в современных городах и в собственных домах.

Вместе с тем было бы ошибкой в устремлении к формированию доступной для инвалидов среды жизнедеятельности оперировать исключительно зарубежным опытом формирования безбарьерного пространства. В отечественной науке и градостроительной практике накоплен огромный опыт создания благоприятного социального пространства, однако с акцентом на габариты окружающей среды, но не на потреб-

ности и образ жизни человека с дополнительными потребностями. Результаты многих исследований периода семидесятых годов прошлого века авторитетно доказывали влияние конкретных параметров окружающей среды (площадь жилья, объем воздушного куба, температура воздуха и т. д.) на структуру и уровень заболеваемости. Установлено влияние жилищных условий на летальный исход вследствие инфекционных заболеваний. Смертность больных, проживающих в одной комнате, была в 3,5 раза выше, чем в тех, которые занимают три комнаты и более. П.Е. Вербев, А.П. Ильницкий, В.З. Мартынюк к «жилищной» группе болезней относят также ревматизм, ряд психических, сердечнососудистых заболеваний. Результаты исследований советских ученых устанавливали зависимость между количеством проживающих в одной комнате и заболеваемостью нервной системы (особенно у детей и пожилых). По данным Е.А. Бояриновой, дети в возрасте 2–6 лет, проживающие в одной комнате с родителями, болеют чаще, чем в тех случаях, когда семья занимает две комнаты и больше (Губернский, Лицкевич 1991: 94). Гигиенисты установили, что заболеваемость детей всех возрастов последовательно снижалась по мере увеличения кубатуры воздуха на одного человека. Объем помещения 20 м³ на одного человека способствовал уменьшению заболеваемости детей на 12 %. Отечественные исследователи (Ю.Д. Губернский, В.К. Лицкевич, Л.Б. Коган) в 1980-х гг. вводили в научный оборот понятие «запас свободы», под которым понимали гибкость и вариативность планировки квартиры, предоставляющей свободу развитию и изменению потребностей живущей в ней семье. По их мнению, запас свободы в планировке является принципиальной позицией, важным критерием в конструировании жилья, способным влиять на некоторые социальные процессы. Например, вынужденное переселение семей может сократиться благодаря увеличению числа комнат (Там же: 210). Концепция запаса свободы, которую развивали советские ученые, при условии ее дальнейшей популяризации вышла бы на темы и других социальных эффектов от свойств жилья. В это же время (начало 1980-х) американские ученые и эксперты (А. Шродер и Д. Штенфилд) рассматривали конкретные материальные и социальные эффекты от создания доступного (безбарьерного) жилья, которое, по сути, есть то, что Ю.Д. Губернский вкладывал в понятие «запас свободы». К материальным выгодам американские ученые относили снижение числа несчастных случаев и соответственно затрат на медицинскую помощь, а также снижение производственных потерь. Причина в том, что доступная среда является более безопасной. Среди других материальных выгод — сокращение необходимости в специальных учреждениях, например, домах престарелых. Исследования, проведенные в США (Бостон), по-

казали, что около 50 % людей, которые хотели бы поселиться в домах престарелых, вполне могли бы жить самостоятельно, если у них было бы доступное жилье и определенная поддержка (Затраты и выгоды от строительства доступной среды 2009). Советские исследователи градостроения и планирования жилья в большей степени акцентировали вопросы санитарно-гигиенического или психологического комфорта и его влияния на социально-трудовую активность горожан. Решение градостроительных задач в дискурсах советских урбанистов охватывало не только вопросы пространственной организации города, но и времени, которое является важнейшей характеристикой процессов жизнедеятельности. В основном речь шла о трех аспектах целенаправленного учета времени в проектировании города:

- 1) учет фактора времени на уровне эволюционного развития города (дифференциация пространственно-планировочной структуры по срокам морального износа, выявление наиболее устойчивой неизменяемой основы);
- 2) учет факторов времени на уровне функционирования города (вопросы наилучшей транспортной доступности инфраструктуры города);
- 3) процесс восприятия городского пространства во времени (относится к вопросам композиционно-художественной организации города).

Человек и время его жизни, а вместе с этим и изменение притязаний к характеру среды жизнедеятельности выпадали из поля зрения отечественных урбанистов. Можно было встретить лишь упоминание о том, что «с момента образования молодой семьи до глубокой старости требования семьи меняются, по крайней мере, 6–7 раз, причем речь идет об изменении оптимума в отношении района проживания, числе комнат и их планировки, размера подсобных помещений, оборудования кухни» (Губернский, Лицкевич 1991: 213). Но эти теоретические выкладки звучали слабо и лишь в качестве пожеланий градостроителям на будущее. Притязания людей с особенностями развития к характеру организации жилой среды отсутствовали в дискурсах о развитии жилищной политики и градостроения. По сей день, в России не решена проблема с домами интернатного типа, неэффективность, а порой и опасность которых очевидна. Не следует забывать, что эта форма жилья появилась лишь потому, что кто-то из числа экспертов в свое время обосновал социально-экономическую целесообразность для государства именно этого образа жизни для людей, отличающихся от большинства.

Анализ присутствия социального знания в практиках конструирования городов показывает, что оно по-прежнему не вошло в науки архитектурного блока и в практику формирования городского пространства в том смысле, как это демонстрирует опыт западных стран. В 50-е гг.

XX столетия в США сформировались научные направления «Environment» и «About Behaviourism». Фактически было положено начало социальной теории окружающей среды, где формируется новое комплексное восприятие города как естественной среды обитания современного человека. В русле социальной психологии ставится вопрос об отношениях человек-город, социальная страта-город, исследуется степень согласованности интересов двух сторон и возможные социальные последствия урбанизма. В России благодаря академику А. В. Степанову, ученым Г. И. Ивановой и Н. Н. Нечаеву родилось направление «психология городской среды», не лицензированное и не функционирующее в аудиториях университетов. В своем обзоре сфер социального знания в зарубежной архитектуре К. В. Кияненко отмечает, что в последней четверти XX в. в США идеология машинизации, деперсонализации и десоциализации человека, породившая безжизненные схемы «функционального города и жилища», перестала быть господствующей и более не определяет ни образа мышления, ни практической деятельности большинства архитекторов. Однако социальная парадигма функционализма, где происходит выведение объемно-пространственной структуры архитектурных объектов из структуры жизнедеятельности их обитателей, и предъявляются генетические «требования к пространству», не отошла в сторону. В русле функционализма на Западе развиваются концепции «безбарьерной» и «всевозрастной» среды, универсального проектирования («universal design»), не забыты, хотя и лишены ореола движителей прогресса, эргономические и антропометрические исследования (Кияненко 2004: 84).

Кем и для кого создается город сегодня?

В качестве меры в современной архитектуре выбирается не просто некий усредненный человек, этот человек — активный, здоровый, трудоспособный, взрослый мужчина (Кияненко 2003: 603–604). Учитывая современный крен в сторону значимости экономического благополучия — это еще и обеспеченный, состоятельный мужчина. Образ современных городских застроек подтверждает ориентир именно на такого потребителя городского пространства. В результате все обитатели жилищ и целых городов, не отвечающие этому стандарту и не обладающие его возможностями, подвергаются дискриминации. В связи с таким несоответствием К. Лейхо отмечает, что «образуется жилая структура, в которой для одной части населения создаются условия для нормальной, хорошо сбалансированной жизнедеятельности, в то время как другая часть, чьи физические возможности ограничены слабостью, инвалидностью или болезнями, почти без исключения встречаются с труд-

ностями в определенных областях своей жизнедеятельности» (Кияненко 1999: 78). Более того, демографический состав населения нашей страны и социокультурные практики распределения социальных ролей говорят о том, что основными обитателями жилищ являются женщины, пожилые люди, дети, люди с ограниченными возможностями, с ограниченной трудоспособностью, а мужчина большую часть дня проводит на работе. К тому же жилища, здания и городские улицы проектируются преимущественно мужчинами, и именно они формируют модель обитателя-мужчины, при этом проектная стратегия мужчин заключается в обустройстве женщин, детей, пожилых и инвалидов в отведенных им местах и помещениях. На уровне макроструктуры города для инвалидов и престарелых — дома-интернаты, для детей — детские сады, школы и детские площадки, внутри квартиры «местом» для женщин традиционно представлялась кухня. В разные исторические эпохи в зависимости от смены социально-политической или экономической доминанты либо кухни уменьшались до микроскопических размеров, либо исчезали детские сады и продолжают пропадать под натиском коммерческих застроек детские площадки и парковые зоны. В очерке проявления социального знания в архитектуре К.В. Кияненко отмечает, что дореформенная советская архитектура была более «социально ориентирована», а пореформенная российская занята утилитарным и корыстным обслуживанием рынка: «В постперестроечной России идеологически инспирированными профессиональными позициями в поле конструирования городского пространства стали: пролиберальная, ориентированная на создание рыночных механизмов формирования города и жилища в логике “спроса и предложения”, пропаганда их “саморегулирующего” потенциала, продвижение маркетинговых исследований как инструмента получения социально-экономического знания и законов, охраняющих “священное право частной собственности”, разработка вопросов «правового зонирования территорий, и антилиберальная, призывающая к разработке эффективной государственной политики и к контролю рыночных сил в градостроительном развитии. Сторонники антилиберальной позиции полагают, что стратегия неконтролируемого рынка успела нанести российскому городу ощутимый урон в формах проявляющейся территориальной “социально-имущественной сегрегации”, деградации районов сосредоточения небогатого населения, приватизации и изъятия из общественного городского использования некогда публичных пространств, маргинализации проблем бедности, присвоения имущими самых ценных природных и градостроительных ресурсов» (Кияненко 2009).

С такой позицией согласуются взгляды А.М. Лола, который ключевое направление развития теоретической и практической составляющей

социологии города видит в возрождении участия горожан и селян в формировании среды своего обитания, иными словами, в создании подлинного самоуправления граждан в городах и селах. Автор отмечает, что «в мире это столбовая дорога устойчивого экологически бескризисного управляемого развития городов» (Лола 2007: 63). К самоуправлению и соучастию граждан в формировании социального пространства, городской и сельской среды призывают Ванкуверская Декларация Хабитат-1 по поселениям ООН 1976 г., Стамбульская Декларация Всемирного Форума ООН Хабитат II 1996 г., «Декларация о городах и других поселениях в новом тысячелетии», принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 2001 г., Конституция РФ, которая декларирует становление местного самоуправления. Отечественные социологи, а также исследователи города в рамках других дисциплин отмечают, что тяжким социальным итогом долгого большевистского управления стало отчуждение горожан и жителей села от среды своего обитания. До сих пор этот феномен отчуждения, как отмечает А.М. Лола, не получил политической оценки ни одной партией. Сегодня Россия пожинает плоды этого отчуждения, выраженные в конкретных социально-бытовых поведенческих практиках. К ним относятся пренебрежение к лестнице своего дома, нежелание создавать сообщества по благоустройству своей среды, ставшее фанатичным требование убирать и ремонтировать, — вопросы, которые должны решать сами горожане, товарищества собственников жилья и подобные организации, адресуются властям городов и порой Президенту. То же самое происходит и с требованиями создания доступной среды: помимо вопросов дополнения и исполнения законодательства по созданию доступной среды здесь есть много вопросов, решение которых на уровне самоуправления горожан способно сделать безбарьерной среду отдельно взятых домов и районов. На практике механизм самоуправления и соучастия жителей в конструировании городского пространства гасят популистские обещания сделать все за счет государства, а чиновники блокируют процесс демократического управления созданием коррумпированных и неэффективных управляющих компаний. А.М. Лола отмечает, что «альтернативы общинному самоуправлению нет. Эпоха обещаний и забот управленцев обеспечить избирателей-горожан всем, включая домофоны и замки, изжила себя. Более того, она рудимент тоталитарного управления и способствует отчуждению человека от среды обитания» (Там же: 65). За рубежом, начиная с 60-х гг. XX в., участие граждан в разработке и реализации территориальных проектов и программ — обычная практика, для нашей страны такого рода деятельность тормозится коррумпированными схемами, которые возникают под прикрытием ТСЖ, инфантильностью обществен-

ных объединений. В середине 1960-х гг. в США получили развитие идеи градостроительной адвокатуры. «Центры проектирования территориальных сообществ (Community Design Centers — CDC) стали той ареной, на которой профессионалы представляли интересы дискриминированных групп городского населения» (СанOFF 2010).

А.А. Мерзляков отмечает, что «в настоящее время в отечественном социальном управлении пока не институционализирован механизм взаимодействия граждан с лицами, непосредственно разрабатывающими проекты и программы территориального развития. Это означает, что отсутствует сам инструмент, позволяющий гражданам реализовать свои права на практике. Этим инструментом являются узаконенные и освоенные технологии социального участия. В российском обществе сохраняется противоречие между наличием гражданских прав на участие населения в принятии управленческих решений и отсутствием социально-организационных нормативов, правил, технологий их реализации на практике» (Мерзляков 2007). В таком контексте соучастие граждан с инвалидностью в проектировании и конструировании инфраструктурного пространства города выходит на глобальный уровень рассуждения о процессе согласования интересов властей, проектировщиков и граждан в ходе разработки, утверждения и реализации проектов территориального развития. Генри СанOFF отмечает, что «за без малого, чем полвека своей истории “проектирование соучастия” проделало в мире большой путь от скандального и для профессии, и для власти маргинального протестного движения до общепризнанной и общеупотребительной стратегии действий при создании и реконструкции широкого класса средовых объектов: жилых кварталов, улиц, дворов, жилых групп и домов, специализированных заведений для престарелых и инвалидов, территориальных общественных центров, дошкольных и школьных воспитательных, образовательных и досуговых учреждений, парков, набережных, детских игровых площадок, мастерских и выставочных залов художников и огромного числа других сооружений и территорий» (СанOFF 2010). Задача социального участия инвалидов в создании безбарьерной среды выходит на уровень проблем самоуправления и технологизации социального управления, истинное соучастие имеет место тогда, когда люди наделяются властью управлять происходящим.

На фоне обозначенных и господствующих в нашей стране подходов к проектированию городов вопрос о создании городской среды, доступной для людей с ограниченными возможностями, логично рассматривать в русле феноменологической парадигмы и партисипаторного подхода, что уводит проблематику создания доступной городской среды от жесткого политизирования и приближает к опыту непосредственно тех

социальных групп, которые живут в городах. Сегодня мировая практика конструирования и планирования жилого пространства не высокими темпами, но все же эволюционирует от функционализма к понимающей (феноменологической парадигме), однако проектирование жилья для инвалидов ведется исключительно в дискурсе функционализма. Движение к феноменологической парадигме, уход от властвующего функционализма начинается в странах Запада в середине 1970-х гг.

Позиция смещения акцентов в конструировании городского пространства в сторону изучения поведенческих практик, условий и образа жизни горожан логично предполагает использование феноменологической методологии. С.В. Пирогов отмечает, что «феноменология города — это попытка изучить коммуникативное пространство горожан. Преодоление деструктивных феноменов поведения и развитие коммуникативного пространства города связано, по мнению феноменологически ориентированных социологов, с изучением *систем релевантности*. Непонимание и рассогласованность действий проистекает из различий в структурах жизненных миров» (Пирогов 2004).

Наполненная барьерами физическая среда города исключает людей с ограниченными возможностями из активной повседневности, формирует определенную поведенческую среду для горожан, имеющих инвалидность или не имеющих ограничений при передвижении. Поведенческая среда каждого конкретного города, несущая установки по отношению к инвалидам и формирующая стили поведения самих инвалидов, жестко регламентирует условия жизни людей в городах. В большой степени морфология городской территории становится порождающей грамматикой поведения (Бибков 2002: 161). Согласно феноменологическому подходу, мир вокруг нас есть творение нашего сознания, а «само собой разумеющиеся запасы знаний» и составляют основу социального мира (Шюц 2004: 743). Например, мир большинства представителей бизнеса включает серию определенных «само собой разумеющихся» представлений о природе и поведении людей с ограниченными возможностями, в сетке этих установок об инвалидности часто находятся категории: бедность, неполноценность, недееспособность. Человек с таким набором представлений об инвалидах никогда не будет строить свой торговый зал с учетом требований доступности для них. Феноменологический подход к исследованию проблемы доступности городского пространства для инвалидов позволяет уйти от абстрактных теоретических построений и обратиться к непосредственному ежедневному опыту, остановиться на межличностных взаимодействиях инвалидов и не инвалидов и объяснить сложившийся порядок взаимодействия с инвалидами через категорию «запас общих знаний». Изучая

проблему барьеров городского пространства и социальной эксклюзии инвалидов в городе, мы выходим на рассмотрение в терминологии феноменологического подхода «запасов знаний» о так называемых чужаках, о людях, которые в повседневной реальности часто типологизируются как «иные», «чужие», «инаковые». «Инаковость» — это провокатор, источник тревоги, т. к. тебе неизвестно, что будет делать другой, как он может себя повести. И каждый из нас, оказавшись в толпе, испытывал такое ощущение неловкости, дискомфорта» (Сеннет 2008: 96). Р. Сеннет, говоря о современном городе и о том, что касается социальности жизни с чужаками, отличительной особенностью гражданской сферы сегодня считает взаимоприспособление через разобщение. Толерантность будет там и тогда, когда разные люди смогут на равных собираться в одних и тех же местах, заниматься одними и теми же делами, наблюдать друг за другом, общаться и непринужденно взаимодействовать. Наличие доступной, универсальной среды или городской среды, открытой для людей с разными функциональными и социокультурными статусами, обеспечивает вклад в общее социальное благополучие и общественный порядок. Это факт, установленный в рамках многих социально-антропологических исследований города. Об этом пишет Д. Джекобс: «Прежде всего, необходимо понять, что общественный порядок — порядок на тротуаре и улице — в городах в основном обеспечивается не полицией, а сложным, почти бессознательным сообществом добровольного надзора и сдерживания, состоящим из простых людей. В некоторых городских районах — наиболее заметными примерами являются старые микрорайоны с муниципальным жильем или улицы с большими потоками людей — обеспечение общественного порядка почти полностью отдано на откуп полиции и специальных охранников. Такие места являются джунглями. Никакая полиция не сможет установить цивилизацию там, где ее не удалось привить обычными и последовательными средствами» (Джекобс 2008: 5).

Рассуждая о необходимости формирования культуры толерантности и практик инклюзии, о преодолении нарастающей ксенофобии в российских городах мало кто задумывается о социально-конструирующей роли городского пространства в социальных процессах. Чаще эти вопросы отдаются на откуп политике, социально-просветительской работе или культурно-образовательной сфере, что тоже правомерно, однако не достаточно. Если в городе нет места, где разные люди могут видеть друг друга и совершать коммуникации, ни социальная политика, ни социальная реклама не заставит их по-другому относиться к иным, не похожим на них, другим людям, в инвалидном кресле или с особенностями умственного развития. Дискурс о роли архитектуры в социальных про-

цессах хотя слабо, но все же представлен в отечественной науке. В частности это проявилось в возникновении новой отрасли в социологии — социологии архитектуры, которая пока имеет не много последователей, но четко выстраивает позицию, согласно которой архитектура, с одной стороны, является отражением социальных процессов, а с другой — «воспроизводит иную картину общества, формирует новые представления о субъектах и таким образом сглаживает социальное неравенство» (Делитц 2008: 120). Х. Делитц демонстрирует на примерах сооружений архитектуры модерна, в какой степени общество и социальный строй воплощаются в архитектуре и одновременно ею обосновываются — например, как влияет архитектура на конкретные социальные изменения, а также ставит вопрос о том, в какой степени архитектура воспроизводит классовую структуру общества (Делитц 2008: 113–121). Писатель и архитектор Пауль Шеербарт однозначно выразил социальную ответственность архитектуры: «Мы живем по большей части в замкнутых пространствах. Это и формирует ту среду, в лоне которой возникает наша культура. В определенной степени наша культура представляет собой продукт нашей архитектуры. Если мы желаем поднять нашу культуру на более высокий уровень, то вынуждены будем — как бы мы ни противились этому — трансформировать и нашу архитектуру. Осуществление же подобной трансформации возможно лишь в том случае, если мы сможем что-то противопоставить тем замкнутым пространствам, внутри которых живем» (цит. по: Ямпольский 1988: 314–347). Хотя работы Пауля Шеербарта были признаны социальной утопией, сегодня многие его идеи обретают второе рождение.

Сегодня на улицах и площадях российских городов пространственной проекцией стратификации и социальных проблем современного общества стали практики застройки дорогостоящей недвижимостью пространств, предназначенных для коллективного досуга горожан, а плотность застройки, автомобильного движения и мода на возведение заборов вокруг элитных домов мешают горожанам спонтанно создавать коммуникативные площадки. Это свидетельствует о процессе движения к барьерам, а не от них, в городах создаются новые препятствия для коммуникаций, новые лабиринты и баррикады, а не открытые доступные пространства. Доступное социальное пространство в городах может возникать и успешно функционировать только при условии участия многих сторон в формировании городского ландшафта: городской администрации, которой нужно понять, что благоустройство не должно ограничиваться только декоративным наведением порядка или выполнением задач по обустройству города «для галочки», бизнеса, который может быть социально ответственным, и самих горожан (особенно из

числа тех, чьи интересы в использовании городского пространства попираются). Словами Т.М. Дридзе это можно выразить следующим образом: «Городская жизнь — это не фестивали с фейерверками и не карнавалы; не супермаркеты и рестораны и не закрытые вечерние приемы. Это даже не красивые и суетные главные улицы городского центра. Город — это, прежде всего особым образом организованное, обитаемое жизненное пространство-время. Оно создается деятельностью людей, ментальность, культура, биографии, жизненные стратегии и повседневные запросы которых и составляют собственно социальную “подоснову” сотворения рукотворных городских ландшафтов» (Дридзе 1998: 96). Согласно Т.М. Дридзе, любые фрагменты городской среды хороши, если они располагают к коммуникации, осмысленны и гуманны. Если же у горожан подобных чувств не возникает, если жизненная среда не располагает к общению с другими людьми, если эти «другие» не имеют возможности попадать в публичные места и на улицы города, если детям и подросткам негде общаться, то это чаще всего означает, что городская среда обустроена плохо, что социальная ориентация в градостроительстве не предусмотрена. Облик современных российских городов трудно назвать социально ориентированным и гуманным, скорее сегодня город трансформируется в угоду капиталовладельцев, а не жителей. С другой стороны, очевидна сомнительность социальных и экологических приоритетов в сознании лиц, принимающих решения, связанные с организацией и реконструкцией городского пространства. Дридзе пишет: «провозглашая демократизацию, мы в сущности нарушили этику на всех уровнях городской жизни: от ставшей нормой “депортации” жителя Арбата и Сретенки в Солнцево или Бирюлево, до практического отсутствия в домах, подземных переходах и метро спусков для детских и инвалидных колясок, исчезновения скамеек в парках, на остановках наземного транспорта и станциях метро, отсутствия клубов для людей всех возрастов и профессий, обычных кафе для желающих поесть или побеседовать, телефонов там, где они нужны позарез» (Дридзе 1998: 97)

С разной степенью интенсивности в мировой практике конструирования городских поселений формируется понимание необходимости гуманизировать процесс формирования жилого пространства, привлечь реального, а не среднестатистического человека к соучастию в создании домов и городов. Социальная роль архитектуры заключается теперь не в производстве окончательных градостроительных решений, но в том, чтобы извлекать эти решения из непрерывного диалога с теми, кто станет пользователями городского пространства. Осуществляется переход от функционалистского к феноменологическому дискурсу. В отечественную логику формирования социального и архитектурного про-

странства эти идеи проникают с трудом. В современных российских городах порой проблема недоступности окружающей среды для инвалидов вообще ни в какой парадигме не осознается. Джейн Джекобс заявляет: «глупо строить городские районы, которые прекрасно подходят для совершения преступлений. Тем не менее, именно их мы и строим» (Джекобс 2008: 5). Продолжая ее логику, хочется отметить, что еще более недальновидно строить города, изначально недоступные и опасные для горожан, устранять публичные места, где люди способны непринужденно взаимодействовать друг с другом, независимо от цвета кожи или использования инвалидного кресла. Такие города разобщают людей, усиливают их страхи относительно ожиданий друг от друга и, в конечном счете, способствуют нарастанию социальной напряженности и накоплению социальных проблем. Но именно такие города мы и строим.

Литература

- Бикбов А.* Москва/Париж: пространственные структуры и телесные схемы // Логос. 2002. № 03-04 (34). С. 161–165.
- Губернский Ю.Д., Лицкевич В.К.* Жилище для человека. М.: Стройиздат, 1991.
- Гутнов А.Э.* Эволюция градостроительства. М.: Стройиздат, 1984.
- Делитц Х.* Архитектура в социальном измерении // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 113–121.
- Джекобс Дж.* Назначение тротуаров: безопасность // Логос. 2008. № 3 (66). С. 3–23.
- Дридзе Т.М.* Социальная диагностика в градоустройстве // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 94–98.
- Затраты и выгоды от строительства доступной среды. Доступно по адресу <http://preodolenie.km.ru/statiainteres/n005.php>
- Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: Наука, 2000.
- Кияненко К.В.* Социальные основы архитектурного формирования жилой среды. Вологда: ВоГТУ, 1999.
- Кияненко К.В.* Смена моделей социального знания в российской архитектуре и градостроительстве // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы»: в 3 т. М.: Альфа-М, 2003. Т. 1. С. 603–604.
- Кияненко К.* Социальное видение в современной англо-американской архитектуре. Архитектурный вестник. 2004. № 3 (78). [http://archi.ru/events/news/news_current_press.html?nid=15327&fl=1&sl=1].
- Кияненко К.* Путеводитель по сферам социального знания в архитектуре и окрестностях // Архитектурный вестник. 2009. № 5 (110). [<http://archvestnik.ru/node/1961>].
- Лола А.М.* Наука градоведение и место в ней социологии города // Межотраслевое взаимодействие в социальном управлении: материалы VI Дридзевских чтений. М.: ИС РАН, 2007.

Мерзляков А.А. Гражданское социальное участие как универсальная технология социального управления (на материалах разработки и реализации градостроительных проектов: автореф. дисс. к.соц.н. // Официальный сайт ИС РАН, 2007. [<http://www.isras.ru/publ.html?id=540>].

Низамов Т.А. Жилища для городов IVA климатического подрайона // Архитектура и строительство Узбекистана. 1988. № 10. С. 17–23.

Пирогов С.В. Феноменологическая социология и урбанистика. 2004. Доступно по адресу <http://www.urban-club.ru/?p=97>

Санофф Г. К архитектуре, озабоченной человеком: о проектировании людей, с людьми и для людей // Архитектурный вестник. 2010. № 1 (112). [<http://archvestnik.ru/node/2124>].

Сеннет Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3 (66). С. 95–107.

Филин В.А. Видеоэкология. Что для глаза хорошо, а что плохо. М.: Видеоэкология, 2006.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.

Ямпольский М.Б. «Мифология» стекла в новоевропейской культуре // Советское искусствознание. 1988. № 24. С. 314–347.

Ярская-Смирнова Е, Романов П. Герои и тунеядцы: иконография инвалидности в советском визуальном дискурсе // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009.

Alexander C. The Production of Houses. Oxford: Oxford University Press, 1985.